

О МЛАДОЛАТЫШСКОМ ДВИЖЕНИИ 60—70-х годов XIX века

*Академик АН Латвийской ССР
К. Я. Страдинь*

Национальное движение латышского народа в 60—70-х годах XIX в., известное под названием младолатышского, имело свои особенности. Оно было направлено в первую очередь против господства и привилегий прибалтийских немецких баронов и не ставило задач коренного преобразования существовавшего в Прибалтике общественного строя. Младолатыши придерживались реформистской тактики. Они не призывали массы к активной борьбе, поэтому их движение носило узкий, ограниченный характер, не было революционным и не вылилось в активное движение народных низов; в нем участвовали главным образом зажиточные слои населения.

Буржуазные историки Латвии периода диктатуры националистической буржуазии (1920—1940 гг.) Ф. Залитис, А. Тентелис, А. Швабе и др. идеализировали младолатышское движение, рисуя идеологов его «вождями народа», глашатаями и выразителями «народных стремлений», «народного пробуждения» и т. д. Они пытались изобразить это движение как выступление всего народа, «сплоченного вокруг своих вождей». Буржуазные историки совершенно умалчивали о классовой сущности младолатышского движения, о волнениях крестьян, о первых выступлениях рабочих. Такая фальсификация была нужна им для поддержки диктатуры буржуазии и антинародного фашистского строя, для обмана народных масс.

За последнее время в Советской Латвии среди части научных работников, литераторов и преподавателей проявилась тенденция к приукрашиванию младолатышского движения. В этом отношении характерны книга Г. Либерманиса «Младолатыши»¹, редакционная статья газеты «Литература и искусство» от 15 марта 1958 г.² и ряд выступлений на научной конференции по вопросу о классовой сущности и историческом значении младолатышского движения, проведенной 24—28 апреля этого года Отделением общественных наук Академии наук Латвийской ССР.

В указанной литературе и выступлениях в большей или меньшей степени отрицался или замалчивался классовый характер младолатышского движения, оно изображалось как общенародное, общедемократическое. Его социальной базой объявлялась мелкая буржуазия, крестьянские массы, боровшиеся за свое освобождение. При этом реформистское младолатышское движение рассматривалось как борьба за революционный («американский») путь капиталистического развития сельского хозяйства. В некоторых выступлениях игнорировались указания В. И. Ленина о том, что революционный путь развития означает ломку, разрушение помещичьего хозяйства и крепостнического землевладения, а также старой надстройки, путем революции, причем основная роль в этих преобразованиях принадлежит пролетариату и крестьянским массам, а не буржуазии и помещикам³.

¹ G. Libermanis. Jaunlatvieši. Latvijas Valsts Izdevniecība. Rīga. 1957.

² «Literatura un Maksla», 15 марта 1958 года.

³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 11.

Имела место также тенденция представить идеологов младолатышского движения демократами и приравнять их к русским революционным демократам. В частности, данную В. И. Лениным характеристику наследства революционных борцов 60—70-х годов некоторые из выступавших пытались распространить и на руководителей младолатышей. Была выдвинута даже такая мысль, что младолатыши являлись предшественниками социал-демократии. Тем самым смазывалось коренное различие между мировоззрением растущей буржуазии и социалистической идеологией пролетариата.

Отдельные участники конференции настолько преувеличивали особенности исторического прошлого Латвии, что фактически стремились показать его в полном отрыве от развития России. Они утверждали, что такие понятия, как две исторические тенденции (либерально-монархическая и революционно-демократическая) в освободительной борьбе, либералы и демократы, реформа и революция и др., представляют собой схемы, догматически привнесенные извне и не применимые при изучении специфических условий Латвии.

Так как буржуазный либерально-реформистский характер младолатышского движения конца 60-х и 70-х годов настолько очевиден, что его невозможно отрицать, часть сторонников идеализации действий младолатышей стала на путь ограничения этого движения 50—60-ми годами, когда классовые противоречия были слабее. Деятели младолатышского движения 70-х годов они называли то «эпигонами младолатышей», то «буржуазными либералами» и даже «реакционерами», якобы не имеющими никакого отношения к младолатышам. Согласно этой «теории», из национального движения 60—70-х годов исключались организаторы «Рижского латышского общества» и газеты «Балтийский вестник» и другие идеологи растущей латышской буржуазии. В то же время в число младолатышей были включены прогрессивные писатели 70—80-х годов Аусеклис и Пумпур, никогда не принимавшие участия в младолатышском движении. Часть товарищей, выступавших на конференции, будучи не в силах оспаривать либерализм и реформизм младолатышей, пыталась «оправдать» их действия, считая, что историческая обстановка и соотношение сил якобы не позволили проводить иную тактику. Младолатыши будто бы трезво учитывали это и не шли на «авантюры», как это делали революционеры.

Несомненно, подобные высказывания представляют собой явное искажение исторической действительности и отход от марксистско-ленинского учения. Все это только на руку буржуазной идеологии и мешает борьбе за преодоление пережитков буржуазного национализма, имеющих до сих пор известное распространение в Латвии.

Оценка младолатышского движения как выступления растущей латышской буржуазии, носившего либерально-реформистский характер, ни в коей мере не является отрицанием той положительной роли, какую оно сыграло в борьбе против гнета немецких баронов и остатков феодализма, за развитие культуры и просвещения латышского народа.

Чтобы показать научную несостоятельность попытки извратить подлинную сущность младолатышского движения, необходимо обратиться к анализу исторической обстановки в Латвии в период его зарождения и рассмотреть взгляды идеологов этого движения.

Объединение территории Латвии и присоединение ее в XVIII в. к России имело прогрессивное историческое значение: появились необходимые предпосылки для более быстрого развития страны. Латышский народ получил продолжительный мир. Латвия была втянута во всероссийский рынок, что содействовало развитию капитализма и складыванию латышской

буржуазной нации. Создались условия для хозяйственного и культурного сближения латышского народа с русским и укрепления дружественных связей между ними.

В середине XIX в. в Латвии наблюдался переход от барщины к денежной аренде и вольнонаемному труду, барщинное хозяйство уступало место капиталистическому. К концу 60-х годов более 80% крестьянских хозяйств было переведено на денежную аренду. Наиболее интенсивно капитализировались помещичьи имения. На этот же путь становились и крестьянские хозяйства, особенно после реформ 60-х годов.

В Латвии в отличие от России вся земля считалась собственностью немецких баронов и делилась на помещичью и крестьянскую. Крестьяне жили, как правило, хуторами (за исключением Латгалии, входившей в состав Витебской губернии). Хутора в Видземе (Лифляндия) и Курземе (Курляндия) имели от 25 до 100 га, а в среднем около 40—50 га земли каждый. Во главе хуторов находились хозяева, которые с помощью батраков обрабатывали в помещичьем имении барщину, обрабатывали хуторские поля и выполняли обязательства по натуральной аренде. Хозяин хутора был своего рода старостой, посредником между помещиком и батраками. При переходе на денежную аренду, а особенно после выкупа хутора в свою собственность хозяин последнего становился уже в прямом смысле эксплуататором наемных батраков, как при выполнении хуторских работ, так и сохранившихся еще отработок в имении. Переход на денежную аренду означал шаг вперед в процессе дифференциации крестьянства и разложения феодально-патриархальных порядков.

Выкуп хуторов способствовал быстрому развитию капитализма в сельском хозяйстве. Продажа хуторов началась еще в 50-х годах и приняла особенно широкие размеры в последующие десятилетия. В одной только Видземе до конца 70-х годов было продано в собственность крестьянам-арендаторам около 16 тыс. хуторов с более чем 800 тыс. га земли. В Курземе за 60—70-е годы было куплено их около 10 тысяч⁴. Собственники и арендаторы крупных хуторов становились капиталистическими предпринимателями, эксплуатировавшими наемный труд сельскохозяйственных рабочих.

Высокие арендные и выкупные платежи, задолженность и зависимость от помещиков заставляли хозяев хуторов и членов их семей лично участвовать в выполнении сельскохозяйственных работ и вместе с тем беспощадно эксплуатировать наемную рабочую силу. Некоторые хозяева не выдерживали борьбы с экономическими трудностями и разорялись, но большинство прочно встало на путь капиталистического накопления и укрепляло свое положение. Из 65—75 тыс. хозяев хуторов (арендаторов и собственников) в 60—70-х годах образовался слой сельских эксплуататоров, по своему состоянию и размерам использования наемной рабочей силы далеко превосходивших кулаков средней России. Это была типичная сельская буржуазия. К ней примыкали содержатели сельских корчем, мельниц, кирпичных заводов, арендаторы имений и ферм, торговцы-лавочники и др. Так как хозяева хуторов вынуждены были отдавать помещикам часть прибавочной стоимости в виде аренды или выкупных платежей, они компенсировали эту потерю за счет безжалостной эксплуатации безземельных крестьян. Хозяйские батраки часто жили в худших условиях, чем батраки в помещичьих имениях.

Наряду с растущей сельской буржуазией на другом полюсе выделялся громадный слой сельскохозяйственных рабочих, батраков, поденщиков, исполщиков, бобылей, иными словами безземельных и малоземельных пролетариев и полупролетариев, составлявших около трех четвертей сельского населения. Социальная дифференциация крестьянства в Латвии в 60—70-х годах зашла значительно дальше, чем в центральных губерниях

⁴ «История Латвийской ССР». Т. II. Рига. 1954, стр. 41—55.

России, где основная масса крестьян имела свои земельные наделы. Характерная особенность аграрных отношений в Латвии состояла в том, что лишь небольшая часть крестьянства владела землей.

Без учета этих особенностей невозможно правильно понять развитие здесь классовой борьбы. В. И. Ленин указывал, что крестьяне в остзейских губерниях разделяются на многоземельных, бобылей и безземельных, и отметил, что бобыли, пользующиеся наделами в 3—10 дес., ближе всего подходят к общему типу русского крестьянина центральных губерний, а часть батраков, получавших натуральную оплату, мало чем отличается от русского «общинного крестьянина»⁵.

В связи с развитием капитализма в сельском хозяйстве в 60—70-х годах в Латвии происходила борьба двоякого рода: с одной стороны, все крестьянство (в том числе арендаторы и владельцы хуторов) выступало против немецких баронов за землю, за ликвидацию баронских привилегий и остатков феодализма, с другой, — шла борьба между растущей сельской буржуазией и беднотой. В 50-х годах на селе еще преобладали феодально-патриархальные отношения между хозяевами хуторов и батраками.

В 60—70-х годах наблюдался также рост латышской городской буржуазии. Это были торговцы, держатели постоянных дворов, гостиниц и ресторанов, домовладельцы, хозяева мельниц, лесопильных, известковых и других заводов, фабрик и мастерских. Латышская буржуазия была тогда преимущественно мелкой и во многом зависела от крупной немецкой буржуазии. Рига в это время стала промышленным центром, где насчитывалось до 140 предприятий с более чем 12 тыс. рабочих⁶. На этих предприятиях внедрялись в производство паровые машины. К концу 70-х годов в Латвии в основном завершился начавшийся в 30-х годах промышленный переворот. Известную роль начала в этот период играть и растущая латышская буржуазия, которая вела борьбу за рынки, за свое место в среде господствующих классов. В то же время делал свои первые шаги зарождавшийся латышский пролетариат, выступавший пока еще неорганизованно, стихийно против своих эксплуататоров. В 70-х годах происходят отдельные стачки и волнения латвийских рабочих⁷.

Размежевание классовых сил в 60—70-х годах в Латвии в основном совпадало с обстановкой в России. Лагерь реакции составляли помещики, духовенство (немецкие пасторы), царские чиновники, крупные немецкие предприниматели и примыкавшие к ним другие реакционные элементы. Они пользовались поддержкой царского самодержавия и, в свою очередь, поддерживали его. Растущая сельская и городская буржуазия, связанная с ней молодая латышская интеллигенция и прогрессивно настроенная часть чиновничества боролись за реформы, выступали против привилегий немецких баронов и других остатков феодализма. Трудящееся крестьянство, городские и сельские рабочие представляли лагерь угнетенных и эксплуатируемых.

Помимо классовых, большое значение в Латвии имели национальные противоречия. Как в сельском хозяйстве, так и в промышленности господствующее положение занимали крупные земельные собственники — немецкие бароны и предприниматели. К середине XIX в. города Прибалтики управлялись магистратами и гильдиями, состоявшими из немецкой купеческой и промышленной аристократии⁸. Только после реформ 60-х годов стала расшатываться существовавшая корпоративная замкнутость городской жизни. В сельской местности самоуправление, судебные учреждения, полиция находились в руках помещиков. Официальным языком считался немецкий. Латыши подвергались унижению и оскорблениям со стороны хозяйни-

⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 147—148.

⁶ «История Латвийской ССР». Т. II, стр. 55—71.

⁷ Там же, стр. 78—90, 114—123; Б. Я. Вилкс. Формирование промышленного пролетариата в Латвии. Рига. 1957, стр. 78—119.

⁸ «История Латвийской ССР». Т. II, стр. 95—100.

чавших в крае немецких баронов и предпринимателей. Остатки феодальных порядков и национальный гнет осложняли и обостряли классовые противоречия.

Естественно, что в таких условиях не могло не начаться движение молодой сельской и городской латышской буржуазии за политические права, за рынки, за расширение собственных предприятий, увеличение капиталов и прибылей, другими словами против остатков крепостничества и немецкого засилья. Не случайно латышская буржуазия с большим упорством стремилась расширить свои торговые и промышленные предприятия, развивала планы строительства кораблей и портов, участвовала в сооружении казенных железных дорог и т. п.

В роли ее идеологов в 60—70-х годах выступали вышедшие из сельских и городских зажиточных кругов Кришьян Валдемар (1825—1891) — в молодости учитель, затем чиновник, крупный общественный деятель; Юрис Алунан (1832—1864) — сын арендатора имения, писатель-журналист; Кришьян Барон (1835—1923) — журналист, собиратель и издатель народных песен; Каспар Биезбардис (1806—1886) — вначале учитель, потом инспектор народных училищ, публицист; Андрей Спагис (1820—1871) — учитель, затем управляющий имением и директор фабрики, публицист; Бернгард Дирикс (1831—1892) — председатель «Рижского латышского общества», редактор газеты «Балтийский вестник»; Рихард Томсон (1834—1884) — публицист, управляющий имением и заводом, организатор сельскохозяйственных обществ; Ян Бауманис (1834—1891) — архитектор, активный деятель «Рижского латышского общества» и другие.

Наиболее видным выразителем интересов латышской буржуазии в 60—70-х гг. был Кришьян Валдемар. Сущность его экономических и политических взглядов сводилась к следующему. Он считал, что для прибалтийских губерний необходимы реформы, основной задачей которых должно быть ограничение привилегий немецких баронов и предпринимателей; расширение, укрепление частной собственности и сословных прав крестьян с тем, чтобы создать большой слой отечественных землевладельцев, на которых, по мнению К. Валдемара, зиждется государство и благосостояние общества. Наиболее рациональными он находил средние хозяйства (от 20 до 100 га земли). Наряду с этим К. Валдемар предусматривал сохранение мелких хозяйств (размером от $\frac{1}{3}$ до 3 га), так как они должны служить источником рабочей силы для средних и крупных хозяйств⁹. К. Валдемар не требовал ликвидации помещичьей собственности на землю. По его мнению, новое, капиталистическое общество вовсе не отрицает класса помещиков, а наоборот, в Прибалтике они должны и могут сыграть такую же важную роль, какую выполняют на Западе. Поэтому он обращался к помещикам с призывом добровольно отказаться от некоторых своих привилегий в пользу крестьянства¹⁰. К. Валдемар считал необходимой распродажу части помещичьих и казенных земель крестьянам по доступным ценам. Он был ярким сторонником крестьянской реформы 1861 г. и признавал целесообразность ее распространения на Прибалтику.

Ю. Алунан, А. Спагис и др. защищали выдвинутые К. Валдемаром экономические требования. Так, Ю. Алунан высказывал мысль о том, что богатство и благополучие государства и народа создаются земледельцами, и призывал заботиться о их свободе, правах и состоянии. Деление общества на классы, на богатых и бедных он считал естественным, необходимым и желательным явлением, так как при хорошем хозяйничанье сословия оказывают друг другу помощь и поддержку¹¹.

Публикации А. Спагиса характерны тем, что они ярко рисуют зависи-

⁹ Кр. В а л д е м а р. Сочинения. Т. I. Рига. 1936, стр. 81—82, 315 и др. (на латышском языке).

¹⁰ Кр. В а л д е м а р. Сочинения. Т. II. Рига. 1936, стр. 66—67 (на латышском языке).

¹¹ Ю. А л у н а н. Сочинения. Т. III. Рига. 1931, стр. 64, 70 (на латышском языке).

мое положение крестьян Курземе и направлены против привилегий немецких баронов. В его работах много говорится о необходимости улучшить положение служащих и реорганизовать существующую налоговую систему. А. Спагис высказывался также за существование мелких крестьянских хозяйств и полагал, что земля может быть предоставлена крестьянам за соответствующий выкуп в пользу помещиков. Он восхвалял проведенную в России аграрную реформу и писал о желательности распространения ее на Латвию¹².

Аналогичных взглядов придерживались и другие представители младолатышей. Выдвинутая в конце 60—70-х годов идеологами латышской городской буржуазии программа также не отличалась своей радикальностью. Она не выходила за рамки ходатайств об ограничении привилегий немецких предпринимателей. Таким образом, существование экономических требований младолатышей сводилось к тому, чтобы в Латвии были проведены реформы, которые ограничивали бы привилегии немецких баронов и предпринимателей и дали бы возможность национальной буржуазии завоевать равноправное положение с их немецкими конкурентами.

Идеологи младолатышского движения много внимания уделяли вопросам национальной культуры и просвещения. Они требовали расширения сети школ на родном языке, работали над усовершенствованием литературного языка, собирали произведения фольклора, освещали в печати вопросы истории и культуры латышского народа. Младолатыши выступали за признание латышского языка наравне с немецким и введение его в общественных и государственных учреждениях и организациях. В этих требованиях буржуазных идеологов нашли отражение интересы бесправного латышского народа, угнетенного немецкими баронами и царским самодержавием, протест против господствующего немецкого меньшинства, считавшего латышей низшим сословием. Пожелания младолатышей в области прав и развития культуры латышского народа в тех исторических условиях имели прогрессивное значение.

Осуществления своей программы идеологи младолатышей думали добиться не с помощью революции, а путем реформ, проводимых сверху. На этом единодушно сходились все руководители младолатышского движения. К. Валдемар призывал своих соотечественников терпеливо ждать, когда царь осчастливит многострадальный латышский народ¹³. Борьба самих трудящихся за свое освобождение им отвергалась, несмотря на то, что он на опыте убеждался в бесплодности верноподданнических просьб и ходатайств. Путь революции для него вообще был чужд и неприемлем. «Духовно сильный народ,— писал К. Валдемар,— больше настроен к мирному развитию и, наоборот, менее развитый стремится к волнениям»¹⁴. О себе К. Валдемар говорил, что он старался «избегать всякого радикализма». Одновременно он выступал против тех, кто пытался уверять правительство, что создана опасная «партия младолатышей, состоящая будто бы из демократических бунтовщиков, врагов России и сообщников революционных поляков»¹⁵.

Ю. Алуан был противником революционного движения, высказывался за реформы, осуществляемые царизмом. Социалистические учения он называл «заблуждением» и «нелепостью». А. Спагис также считал, что реформы можно осуществить только сверху. Особые надежды этот деятель возлагал на царя Александра II, олицетворявшего в его глазах мудрость, справедливость, гуманность и милосердие. Поэтому он призывал крестьян мирно и терпеливо надеяться и ждать, когда «всемиловитый отец страны... наградит их своей долей наследства»¹⁶.

¹² [А. Спагис]. Die Zustände des freien Bauernstandes in Kurland. Leipzig. 1860. S. 37—39 (книга вышла под псевдонимом «Von einem Patrioten»).

¹³ Кр. Валдемар. Сочинения, Т. II, стр. 223, 283.

¹⁴ Там же, стр. 20—22.

¹⁵ Там же, стр. 297, 302—303, 310.

¹⁶ [А. Спагис]. Указ. соч., стр. 39.

К. Биезбардис после ознакомления с условиями жизни своих соотечественников пришел к выводу, что основной причиной, мешающей социальному и политическому развитию Прибалтики и улучшению благосостояния народа, являются привилегии помещиков. Но самым подходящим орудием преобразования жизни Прибалтики он считал существующую государственную власть¹⁷. Более того, он советовал проводить преобразования разумно, не спеша, так, чтобы массы этого не замечали¹⁸. Петиция на имя царя, подписанная более чем 30 латышами (в том числе К. Биезбардисом), была составлена в духе верноподданничества и набожности. Выпускаемое К. Биезбардисом периодическое издание «Пасауле ун Даба» («Вселенная и природа») также было проникнуто либеральным реформизмом.

Экономическая слабость латышской буржуазии и ее зависимость от господствовавших крупных предпринимателей в значительной мере сказались на идеологии и характере младолатышского движения. Оно неизбежно должно было носить и действительно носило реформистский верноподданнический характер. Последний в известной мере определяется и резкой классовой дифференциацией крестьянства, все более расходящимися интересами безземельных батраков и хозяев хуторов. Руководители латышской буржуазии боялись революционных массовых выступлений. Либеральная реформистская тактика идеологов этого движения не содействовала вовлечению в активную борьбу широких масс трудящихся.

Анализ программы младолатышей свидетельствует о том, что национальная борьба 60—70-х годов XIX в. являлась по своей классовой сущности движением растущей латышской буржуазии. Не случайно руководители его, возглавляемые К. Валдемаром, установили контакт с русскими либералами-славянофилами и сотрудничали в их печатных органах. В то же время они не искали и не имели никаких связей с русскими революционными демократами.

Практическая деятельность младолатышей объективно способствовала развитию капитализма в Латвии путем реформ. Чем больше обострялись классовые противоречия, тем быстрее младолатышское движение теряло элементы прогрессивности, отходило все дальше от широких народных масс, тем сильнее выявлялись в нем реакционные стороны, имевшие место уже в момент его зарождения.

Середина и вторая половина прошлого века в Латвии была характерна увеличением числа крестьянских выступлений. Начавшаяся еще в 40-х годах волна крестьянского движения усилилась в 50-х и особенно в 60-х годах под влиянием крестьянских волнений в России накануне и в период проведения реформы 1861 года. На рост крестьянского движения в Латвии оказывали влияние также волнения крестьян в Эстонии (крестьянское восстание в Махтра в 1858 г., волнения в районах Харьюмаа, Виру и др., переселенческое движение в эстонской части Лифляндии), польское восстание 1863 г. и выступления крестьян в Литве.

Уже в конце 50-х годов среди латвийских крестьян распространился слух о том, что в России крестьянам дадут землю и улучшат их положение. В связи с этим, несмотря на сильное противодействие помещиков, началась новая волна переселенческого движения. Крестьяне отказывались заключать арендные договоры и готовились к выезду во внутренние губернии России, особенно Саратовскую и Самарскую. Помещики не выдавали крестьянам паспортов, запрещали устраивать собрания, требовали большие суммы денег (от 400 до 1000 руб.) на расходы по переезду, применяли репрессии. Но даже такие меры не могли приостановить начавшееся в 1859 г. переселенческое движение. Оно продолжалось в 1860 и 1861 гг.,

¹⁷ [К. Биезбардис]. *Zustände und Eigenthümlichkeiten in den baltischen Provinzen Russlands*. Bautzen. 1865, S. 6, 44 (книга вышла без указания имени автора).

¹⁸ [К. Биезбардис]. *Meditationen zur Förderung der Eintracht zwischen Russen und Deutschen in den baltischen Provinzen Russlands*. Bautzen. 1866, S. 34 (книга вышла без указания имени автора).

особенно в северной части Видземе, в районах имений Гауене, Зварде, Мурмуйжа, Палсмане, Борманьмуйжа и других¹⁹.

Крестьянская реформа 1861 г. коснулась лишь части Латвии — Латгалии, так как крепостное право в остальной Латвии было отменено еще в 1816—1819 годах. Латвийские крестьяне были освобождены тогда без земли, им была дана «птичья свобода», как говорили сами крестьяне. Вся земля, в том числе и та, которой пользовались крестьяне, перешла в собственность помещиков. Естественно, что известия о реформе 1861 г. взволновали всех латышских крестьян. Они надеялись, что аграрная реформа будет распространена на всю Латвию и что крестьяне получат землю хотя бы в таких размерах, как это было в России. Когда же выяснилось, что их надежды беспочвенны и что при проведении реформы русские помещики грабят крестьян, снова вспыхнули крестьянские волнения.

В Курземе крестьянское движение началось еще в 1860 году. Особенно сильное выступление крестьян имело место в имении Дундага. В 1861 г. волна крестьянского движения высоко поднялась в Лудзенском, Резекненском и Даугавпилсском уездах Латгалии. В 1862 г. волнения охватили ряд других районов Курземе, а также многие имения Видземе, например, имения Вецпбалга, Огресмуйжа, Веселава. На следующий год они распространились на всю Латвию. Центром движения в Латгалии были имения графа Платера-Зибера — Двиете, Пилскалне, Дунава, Рубене, Анценишки и другие. На движение крестьян этих мест оказало сильное влияние польское восстание. В 1863 г. в Латгалии было разрушено крестьянами свыше 30 имений польских помещиков. В Курземе крупные выступления крестьян проходили в имениях Межмуйжа, Мазбергене, Бланкенфелде, Вецмуйжа, Вецауце и других. В Видземе центром движения было имение Адажи, Рижского уезда. Волнения продолжались и в 1864—1866 годах²⁰.

Формы волнений были разные. Крестьяне подавали жалобы на помещиков, посылали петиции и своих делегатов в правительственные учреждения, отказывались заключать арендные договоры и выполнять отработочные и другие обязательства, устраивали собрания, выселялись во внутренние губернии России, поджигали имения, захватывали землю, организовывали нападения на помещиков.

В результате перехода на денежную аренду и особенно после выкупа усадеб в собственность значительно усилилась эксплуатация батраков в крестьянских хозяйствах. Это вызвало волнения батраков. Характерно, что уже в середине 60-х годов были случаи поджогов крестьянских хуторов. Среди батраков и бобылей шли слухи о предстоящем разделе помещичьих и казенных земель. В 1867 г. батрацкие волнения имели место в Крустпилсском приходе, Лифляндской губернии, в 1869 г. — в имении Вольмарсгоф, Вильяндского уезда, Лифляндской губернии; бобыли и батраки захватывали и самовольно обрабатывали помещичьи земли. Батрацкие волнения имели место и в ряде других районов²¹. Крестьянские волнения в Латвии обычно подавлялись путем жестоких репрессий и террора: крестьян пороли, избивали до смерти, заключали в тюрьмы, высылали в Сибирь, расстреливали и т. д. В случаях более активных выступлений крестьян против них высылались войска.

¹⁹ Центральный государственный архив Латвийской ССР (ЦГА ЛатССР), ф. Лифляндского рыцарства, д. 3215, лл. 129—172.

²⁰ «Dokumenti par tautas atmodas laikmetu 1856—1867. g., Latvijas vestures avoti, V sejs». Rīga, 1939; ЦГА ЛатССР, ф. Лифляндского рыцарства, дд. 353, 990, 3215; «Dokumenti par «Peterburgas Avizem», Latvijas vestures avoti, I sejs». Rīga, 1937; М. Козин. Крестьянское движение в Латвии в 60-х годах XIX в. Рига, 1958 (на латышском языке); «История Латвийской ССР». Т. II, стр. 15—36.

²¹ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦИИАМ), ф. III отд., эксп. 4, 1866 г., д. 139; «Крестьянское движение 1827—1869». Вып. II. М.-Л. 1931, стр. 83 и др.; ЦГА ЛатССР, ф. Лифляндского рыцарства, д. 990, стр. 32—35; М. Козин. Указ. соч., стр. 160—169.

В этих условиях наряду с либеральными реформистами из лагеря младолатышей развертывают свою деятельность представители латышской революционной демократии. Многие из участников революционного движения в Латвии воспринимали идеи русских революционных демократов и воспитывались на них. Об этом свидетельствует такой факт, как распространение в Латвии «Современника». Установлено, что в 1860 г. «Современник» выписывался в Латвии в 33 экземплярах (в Риге, Елгаве, Кулдиге, Айзпуре, Лиенае, Резекне, Даугавпилсе, Краславе). Его читателями были представители передовой латышской интеллигенции. Под влиянием идей русских революционных демократов местными революционно настроенными учителями и другими интеллигентами составлялись и распространялись среди крестьян памфлеты и прокламации, которые были обнаружены в окрестностях Валмиера, Смилтене, Вецпебалга, Цесис и других. В некоторых из них крестьяне призывались к активной борьбе против помещиков. Имелись факты активного участия представителей местной интеллигенции в крестьянских волнениях²².

С русскими революционными демократами был тесно связан латышский революционный демократ П. Д. Баллод (1839—1918). Он являлся участником нелегального студенческого кружка в Петербурге, организатором подпольной типографии, за революционную деятельность был привлечен к суду (вместе с Писаревым, Ольшевским, Ткачевым, Жуковским и другими) и осужден на 15 лет каторги. В Сибири Баллод сблизился с Чернышевским. Под влиянием идей русских революционных демократов вырос видный руководитель революционного движения латгалских крестьян П. Миглиник (1850—1883) — один из первых латгалских интеллигентов-разночинцев. Революционную деятельность вел А. Пумпур (1841—1902) — участник подпольных кружков, автор народного эпоса «Лачплесис». Среди активных революционеров были также участники подпольных кружков Ю. Тиденис, К. Айзуп, М. Кратынь и другие. В Риге работал революционный рабочий кружок, участниками которого являлись Каули, Сирмайс, Иогансон, Бауман, Подбельский, Внуков и другие. Часть латышских революционеров имела связь с русскими народническими организациями. Так, «Земля и Воля» уделяла значительное внимание развитию крестьянского движения в Латвии. В 1862 г. подпольная типография «Земли и Воли» была переведена из окрестностей Петербурга в Латгалию, в местечко Виляки, Лудзенского уезда. В Латвии существовало несколько народнических кружков. Одним из них был кружок, организовавшийся вокруг нелегальной типографии «Земли и Воли». Д. Степанян, И. Жуков, П. Пушторский, М. Вейде составляли его ядро²³.

Революционно настроенная интеллигенция была связана с крестьянским движением и вместе с трудящимися массами крестьянства боролась за ликвидацию гнета немецких баронов и царского самодержавия, за передачу помещичьей земли крестьянам без выкупа, за улучшение их материального и правового положения. Это и был революционно-демократический путь в освободительном движении латышского народа. Младолатыши отвергли этот путь. Следовательно, неправильным является утверждение некоторых товарищей о том, что в Латвии в 60-х годах якобы не было никакого другого осознанного прогрессивного общественно-политического движения в освободительной борьбе, кроме младолатышского.

Между младолатышским движением и выступлениями крестьян имели место, конечно, известная связь и взаимодействие. Руководители младолатышей в ряде случаев участвовали в составлении и подаче жалоб и петиций, в организации делегаций крестьян в правительственные уч-

²² «История Латвийской ССР». Т. II, стр. 15—36; М. Козин. Указ. соч., стр. 240—263.

²³ П. Валескалн. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод. Рига. 1957; «История Латвийской ССР». Т. II, стр. 50—55, 123—139.

реждения. На крестьян влияли также издаваемая и распространяемая младолатышами литература и их культурно-просветительная деятельность. Все это создало им известный авторитет среди крестьян. Но участие младолатышей в движении крестьян носило пассивный характер и не выходило из дозволенных законом рамок легальности. В активных формах крестьянского движения представители растущей латышской буржуазной идеологии не участвовали и не призывали народные массы к революционной борьбе. Но, несмотря на это, в 60—70-х годах XIX в. под влиянием младолатышского движения мелкобуржуазная интеллигенция и главным образом зажиточные слои выступали против господства немецких баронов, втягивались в борьбу за права и улучшение своего материального положения, за развитие культуры латышского народа. Все это не только обострило классовые и национальные противоречия, но и привело к переплетению младолатышского движения с крестьянским, к расширению национально-освободительного движения. В развитии национального движения младолатыши сыграли, несомненно, положительную роль.

Созданные ими органы печати («Петербургас Авиэс» — «Петербургская газета» (1862 г.), «Балтияс Виестнесис» — «Балтийский вестник» (1869 г.) и другие), литература по вопросам жизни народов Прибалтики, участие в петиционной кампании, создание «Рижского латышского общества» (1868 г.) и ряда сельскохозяйственных и театральных обществ, библиотек, организация певческих праздников, забота об организации школ и преподавании в них на родном языке, собиране фольклора, распространение литературы на родном языке и т. д. — все эти мероприятия содействовали росту национального сознания и национально-освободительного движения и имели прогрессивное значение.

Таким образом, изучение истории общественного движения в Латвии во второй половине XIX в. показывает, что попытки некоторых исследователей затушевывать классовую сущность младолатышского движения не имеют оснований и наносят вред развитию исторической науки в Латвии. «Понятие реформы, несомненно, противоположно понятию революции, — указывал В. И. Ленин, — забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам во всех исторических рассуждениях»²⁴. История классовой борьбы и общественно-политических течений Латвии, несмотря на их особенности, полностью подтверждает правильность этого ленинского положения. В Латвии в 60—70-х годах XIX в. наряду с либерально-реформистским движением развивалось и революционно-демократическое, социальной базой которого являлись трудящиеся массы. Оно было еще слабым. Но в ходе освободительной борьбы революционно-демократическое движение сумело отделиться от либерально-реформистского течения. Этому способствовало развитие капитализма в Латвии, вызывавшее обострение классовой борьбы.

²⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 89.